

Copyright © 2019 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 53. Is. 3. pp. 1318-1332. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.3.1318
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Economic Views of A.N. Kuropatkin and the Policy of the Ministry of War in the Cossack Hosts in 1898–1900

Artyom Y. Peretyatko ^{a, b, *}

^aInternational Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^bVolgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract

The figure of the Minister of War of the Russian Empire A.N. Kuropatkin is still causing controversy among scientists. Some consider him incompetent military, not consistent with his position, and others consider him victim of circumstances and propaganda of political opponents. On the other hand, the relationship between Russian Ministers of War and Cossack Hosts is still poorly understood, and the number of works on this topic in contemporary historiography is extremely small. Therefore, this article attempts to analyze the figure of A.N. Kuropatkin from an unexpected point of view, having considered his activity as the actual leader of the Cossack Hosts of the Russian Empire.

The author shows that A.N. Kuropatkin was primarily interested in the economic problems of the Cossack Hosts. Shortly after taking office as Minister of War, in 1898, he recognized the development of the economic crisis in the Don Host and its approach in other Cossack Hosts. However, the extremely peculiar and intricate economic views of the Minister of War did not allow him to develop feasible program for solving the economic problems of the Cossack Hosts. The program developed by the commission of General N.A. Maslakovets, also did not satisfy A.N. Kuropatkin. Having failed to provide adequate financial support for the proposed reforms, the Minister of War actually abandoned most of the originally planned measures, limiting himself to introducing a subsidy to serving Cossacks.

The article concluded that this development of events was largely due to the peculiarities of the personality of A.N. Kuropatkin. Having correctly set the initial goals, the Minister of War did not have the determination or the abilities necessary to achieve them. However, even a partial realization of the ideas of A.N. Kuropatkin markedly improved the economic situation of the Cossacks.

Keywords: the crisis of the Russian Cossacks at the end of the XIX century, the economic history of the Don, the policy of the Ministry of War in relation to the Cossack Hosts, A.N. Kuropatkin, N.A. Maslakovets.

1. Введение

Из числа военных министров последних десятилетий существования Российской империи самым известным и неоднозначным остается генерал от инфантерии Алексей Николаевич Куропаткин. В 1898 г., когда в отставку с поста военного министра уходил престарелый П.С. Ванновский, именно А.Н. Куропаткина желало видеть военным министром «большинство» (Витте, 1924: 123). Всего семь лет спустя, в 1905 г., после поражения в Русско-японской войне 1904–1905 гг., А.Н. Куропаткин воспринимался все тем же большинством русского образованного общества как «бездарный генерал» (Свириденко, 1999: 107). Современный исследователь О.А. Белозерова даже вводит специальный термин «апушкинизм» (от фамилии журналиста В.А. Апушкина), называя так последовавшую за поражением необъективную критику А.Н. Куропаткина, возведение его в ранг

* Corresponding author

E-mail addresses: ArtPeretatko@yandex.ru (A.Y. Peretyatko)

главного виновника проигрыша войны японцам (Белозерова, 2014: 155). В советское время А.Н. Куропаткин трактовался как почти комическая фигура, малопригодная для высоких государственных и военных постов. Даже в «Советской военной энциклопедии» небольшая статья о А.Н. Куропаткине упоминает его «неумение организовать взаимодействие войск, боязнь риска, постоянные колебания, недоверие к подчиненным, мелочную опеку» (Советская военная энциклопедия, 1977: 535). Зато в наши дни А.Н. Куропаткина снова, как в конце XIX в., пытаются представить без преувеличения великим человеком, и в коллективной монографии о нем, вышедшей в 2018 г. в Санкт-Петербурге, мы можем встретить такие слова: «Искусственно и необоснованно созданный в советское время образ генерала заслонил собой выдающегося военного и государственного деятеля и патриота России» (Генерал Куропаткин, 2018: 11).

Подобная разноречивость оценок не может не привлечь внимания историка, и в своей статье мы бы хотели представить еще один взгляд на личность А.Н. Куропаткина. Однако этот взгляд будет не совсем обычным: речь пойдет не о военных или государственных, а об экономических воззрениях военного министра. Один из его преемников, А.Ф. Редигер, позже отмечал, что «нигде (кроме России – Авт.) на военного министра не возложены еще и функции министра внутренних дел в отношении громадных областей (земли казачьих войск и Туркестан)» (Ганин, 2008: 704). Таким образом, в качестве военного министра А.Н. Куропаткин должен был заниматься экономическим развитием казачьих войск, причем, как мы увидим ниже, он уделял данному вопросу много внимания. С другой стороны, в своих многочисленных книгах генерал также неоднократно высказывался по экономическим вопросам. На наш взгляд, попытка взглянуть на А.Н. Куропаткина с подобной неожиданной точки зрения может многое прояснить в его характере и дать ответ на вопрос о том, почему отношение разных исследователей к давно умершему военному министру отошедшей в прошлое Российской империи остается столь разнообразным.

С другой стороны, тема взаимоотношений российских военных министров и казачьих войск остается малоисследованной в современной историографии (Rajović et al., 2019: 211; Rajović et al., 2019a; Derzhanskaya, Peretyatko, 2018). Единственная статья, в которой правительственная политика по отношению к казачеству ставится в зависимость от взглядов военного министра, Д.А. Милютин, принадлежит таганрогскому исследователю А.А. Волвенко (Volvenko, 2016). И она показывает перспективность подобного подхода: современный автор на основании личного архива и воспоминаний Д.А. Милютин показал, что многие решения имперской власти, связанные с казачьими войсками, были следствием личной позиции военного министра. Мы бы хотели применить аналогичный подход к написанным А.Н. Куропаткиным документам, хранящимся в РГВИА и РГИА, и хотя бы частично заполнить серьезную историографическую лауну.

2. Материалы и методы

В исследовании мы будем опираться в основном на архивные материалы, разбросанные по федеральным и региональным архивам. В Государственном архиве Ростовской области (ГАРО) хранится переписка донского предводителя дворянства по вопросу создания на Дону в 1898–1899 гг. специальной комиссии для изучения экономических проблем казачества (ГАРО. Ф. 410. Оп. 1. Д. 682). В Российском государственном историческом архиве (РГИА) мы обнаружили подробный отчет о командировке А.Н. Куропаткина в область Войска Донского (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48). В Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ) сохранен личный архив Н.А. Маслаковца, генерала, бывшего в начале XX в. экспертом Военного министерства по казачьим вопросам (ОР РНБ. Ф. 1055). Но больше всего интересующих нас документов находится в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА), где уцелели и предварительная программа преобразований в казачьих войсках, составленная А.Н. Куропаткиным (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 2109), и отзывы строевых командиров российской армии об альтернативной программе преобразований, подготовленной с участием Н.А. Маслаковца (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 2109).

Поскольку большая часть рассматриваемых документов не вовлекалась в научный оборот или вовлекалась только частично, мы будем преимущественно использовать историко-описательный метод, восстанавливая ход прежде не привлекавших внимание историков событий. Важны для нашего исследования также историко-сравнительный метод, так как мы будем сопоставлять варианты реформ в казачьих войсках, предложенные различными политическими силами, и историко-биографический метод, поскольку в центре нашего исследования будет личность А.Н. Куропаткина, через призму которой мы и будем рассматривать взаимоотношения казачества и Военного министерства в начале XX в.

3. Обсуждение

Начало знакомства А.Н. Куропаткина с экономическими проблемами казачества напоминало скорее авантюрный роман, чем нормальную работу бюрократических органов Российской империи. 1 января 1898 г. он был назначен военным министром, а чуть более чем неделю спустя, 9 января, бывший предводитель донского дворянства И.М. Попов обратился в дворянское собрание Войска Донского с предложением «уяснить причины, вызывающие расстройство казачьего хозяйства, и

возбудить ходатайство перед правительством об упразднении этих причин» (ГАРО. Ф. 410. Оп. 1. Д. 682. Л. 3). Трудно сказать, были ли эти два события взаимосвязаны. Областью Войска Донского в это время уже почти двадцать лет руководил князь Н.И. Святополк-Мирский, назначенный на должность донского атамана еще в 1881 г. Очевидно, в глазах предшественника А.Н. Куропаткина, П.С. Ванновского, он пользовался большим авторитетом, и ряд реформ казачьих войск в 1880 г. предпринимался как раз по инициативе донских войсковых властей (РГИА. Ф. 1291. Оп. 70. 1889 г. Д. 86. Л. 11 об.). Однако на Дону атаман имел плохую репутацию, и его даже прозвали «Окаянным» (Петровский, 1916: 21). Одной из причин этого было его отношение к экономическим проблемам донского казачества. Важнейшим показателем благополучия казачьего войска Н.И. Святополк-Мирский считал размер войскового капитала, который ему удалось удвоить за время своего правления (Карасев, 1899: 113-114). Поэтому не удивительно, что в окружении атамана ему в заслугу ставили уменьшение войсковых расходов в условиях, когда экономическое положение донского казачества резко ухудшилось (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 3216. Л. 3). Между тем не только донские дворяне, но и независимые от атамана иногородние чиновники отмечали, что подобный «успех» был достигнут путем жесткого воздействия на казаков со стороны властей, и «экономические интересы населения от этого значительно пострадали» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 24. Л. 16 об.). В частности, новочеркасский прокурор А.А. Чигринцев описывал экономическую политику Н.И. Святополк-Мирского следующим образом: «Как бы маломощно не оказалось казачье население данной станицы к выполнению предъявляемых к нему требований <...>, атаман (окружной – Авт.) примет все меры к тому, чтобы заставить выполнить эти требования» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 24. Л. 15 об.).

Соответственно, невинную на первый взгляд инициативу И.М. Попова следует рассматривать как попытку не только привлечь внимание имперского правительства к экономическим проблемам донского казачества, но и дискредитировать в его глазах непопулярного на Дону атамана. И более чем возможно, что это делалось в связи с приходом на пост военного министра человека, который не только был популярен в обществе, но и «заботился о солдате, делал это умело, заметно, что нравилось многим» (Айрапетов, 2010: 6). Областное дворянское собрание И.М. Попова поддержало, и 13 марта 1898 г. областной предводитель дворянства М.С. Марков обратился к Н.И. Святополк-Мирскому с просьбой обеспечить принятие Николаем II депутации из двух донских дворян, которые преподнесли бы императору ходатайство об «учреждении в Новочеркасске комиссии для всестороннего исследования причин, подрывающих хозяйственный быт Донского казачьего войска, и для выработки мер, коими может быть восстановлено утраченное войском благосостояние» (ГАРО. Ф. 410. Оп. 1. Д. 682. Л. 5).

Если до этого момента история донского ходатайства нами восстановлена по архивным источникам относительно последовательно, то дальнейшие события оставляют простор для толкований. Судя по всему, Н.И. Святополк-Мирский не просто отказался поддержать донских дворян, но и обвинил их в нарушении российского законодательства. Во всяком случае один из двух дворян, которые должны были подать ходатайство Николаю II, А.А. Донецкий, позже написал следующее: «Местное начальство, очень хорошо зная, какой важнейшей потребности края отвечает это ходатайство, не только не поддержало его, но и пыталось доказать то, чего не было, то есть, что, сделав такой шаг, дворянство вышло из пределов своей компетенции, присвоив себе право, которого оно не имеет» (Протоколы, 1899: 132). И в этих условиях М.С. Марков пошел на отчаянный шаг, приведший к результатам, уникальным для донской истории конца XIX – начала XX вв. Вопреки воле атамана он лично отправился в Санкт-Петербург, где сумел добиться аудиенции у А.Н. Куропаткина. И внезапно военный министр поддержал не Н.И. Святополк-Мирского, а его противников, и не только с «сочувствием» выслушал донского предводителя дворянства, но и передал его ходатайство Николаю II (Донцы, 2003: 302-303). Точная дата этой аудиенции неизвестна, но, по-видимому, ее следует отнести к концу марта – началу апреля 1898 г., ибо дальше события приняли уж вовсе неожиданный оборот: 25 апреля временно исполняющим должность донского атамана был назначен генерал-лейтенант А.П. Короченцев, а Н.И. Святополк-Мирский переведен в Государственный совет (Скорик, 2015: 78). Нового полноценного донского атамана, К.К. Максимовича, утвердили только почти через год, 22 февраля 1899 г. (Скорик, 2015: 78). Все это свидетельствует об экстренности удаления Н.И. Святополк-Мирского с Дона, о том, что его не хотели оставлять в должности донского атамана даже на несколько месяцев. Никаких официальных обвинений атаману выдвинуто не было, даже публичной критике за свои ошибки он не подвергался, но, как писали современники, «ушел с атаманства Окаянный не добровольно, а по многократным напоминаниям из Петербурга, где стали находить, что князь устарел» (Петровский, 1916: 24). Судя по всему, одним из инициаторов снятия Н.И. Святополк-Мирского с должности был как раз А.Н. Куропаткин, позже в своих распоряжениях по Военному министерству подчеркивавший, что идея увеличения войскового капитала за счет отказа от полезных расходов крайне вредна (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 2109. Л. 94).

Таким образом, А.Н. Куропаткин стал военным министром в момент, когда в крупнейшем казачьем войске, Войске Донском, начался открытый конфликт между атаманом, фактически разорявшим донское казачество ради увеличения войскового капитала, и местной элитой, решительно выступившей против этого. А.Ф. Редигер писал, что в первые месяцы своего пребывания

на посту военного министра А.Н. Куропаткин «по поводу каждого дела сам говорил с безапелляционной уверенностью» (Редигер, 1999: 264). С подобной, не вполне адекватной ситуации уверенностью А.Н. Куропаткин поступил и в данном случае. Ходатайство донских дворян еще не было удовлетворено, деятельность Н.И. Святополк-Мирского не была разобрана и проанализирована, но донской атаман после поступившей на него жалобы оказался незамедлительно отправлен в отставку, несмотря на отсутствие ему замены. Сам А.Н. Куропаткин в это время едва ли мог считаться специалистом по казачьим вопросам и, по-видимому, во всем доверился донским дворянам. Как мы увидим ниже, несмотря на всю обреченность экономической политики Н.И. Святополк-Мирского, это стало не лучшим решением, поскольку донские дворяне почувствовали слабость военного министра и в дальнейшем потребовали от него новых односторонних уступок.

А.Н. Куропаткин еще никак не обозначил собственную экономическую политику в казачьих войсках, еще не сформулировал для своего окружения, к чему он будет стремиться, а 16 июня 1898 г. Николай II уже согласился создать в Новочеркасске комиссию, о которой ходатайствовало донское дворянство (ГАРО. Ф. 410. Оп. 1. Д. 682. Л. 6). Ее председателем был назначен генерал-лейтенант Н.А. Маслаковец, которому поручили «ознакомиться на месте с существом предстоящих обсуждению комиссии вопросов и составить программу занятий комиссии» (ГАРО. Ф. 410. Оп. 1. Д. 682. Л. 6 об.). При этом комиссию решили создать на условиях донских дворян, и на 4 назначаемых правительством членов в ее состав вошло 17 выборных от донского казачества (ГАРО. Ф. 410. Оп. 1. Д. 682. Л. 6). Уже это делало данную комиссию трудноуправляемой сверху, а личность председателя и вовсе лишала А.Н. Куропаткина возможности влиять на решения депутатов. Н.А. Маслаковец, несколько десятилетий служивший в казачьих войсках, отличался крайней принципиальностью и независимостью от начальства и в свое время даже на два года уходил в отставку после того, как был снят с должности оренбургского атамана за настойчивые попытки увеличить ассигнования в помощь пострадавшим от неурожая местным казакам (Григорович, 1911: 264). Кроме того, в свое время он входил в окружение Н.И. Святополк-Мирского, и для донских либералов его деятельность ассоциировалась с крайне непопулярным решением о закрытии донских земств, которые Н.А. Маслаковец многократно критиковал (Сватиков, 1924: 379-381). Поэтому на роль человека, продвигающего в казачьей среде идеи военного министра, Н.А. Маслаковец никак не годился.

5 ноября 1898 г. он представил А.Н. Куропаткину программу работ будущей комиссии, состоящую из пяти отделов (Протоколы, 1899: 2), каждый из них соответствовал одной из областей, с проблемами в которой Н.А. Маслаковец связывал обеднение казачества. Области эти были следующими: «порядок отбывания донским казачьим населением воинской повинности», «хозяйственный быт и экономическое положение донского казачьего населения», «общее и профессиональное образование в Войске Донском», «развитие в среде казачьего населения промышленной и торговой деятельности» и «отношение органов административного управления Войска Донского к делам станичного самоуправления и организации общественного станичного хозяйства» (Протоколы, 1899: 3). Уже из списка этих областей видно, насколько серьезно Н.А. Маслаковец подходил к проблеме: фактически он считал неудовлетворительным положение почти во всех сферах жизни казачества, включая управление казачьими войсками. 28 декабря его программа была утверждена А.Н. Куропаткиным, а 12 января 1899 г., на первом заседании вверенной его руководству комиссии, бывший сподвижник Н.И. Святополк-Мирского публично заявил, что на Дону «всеобщий упадок благосостояния» и для его преодоления нужны «самые серьезные меры» (Протоколы, 1899: 1-2).

А.Ф. Редигер жаловался, что с А.Н. Куропаткиным было очень сложно работать ввиду его «желания самому входить во всякие мелочи, собирать ненужные совещания и не желая сколько-нибудь входить в положение подчиненных» (Редигер, 1999: 312). С этим согласен и современный исследователь О.Р. Айрапетов, отмечающий, что «административным стилем Куропаткина был энергичный и мелочный контроль, не допускающий инициативы у подчиненных» (Айрапетов, 2010: 9). О крайней самоуверенности военного министра мы уже писали выше. Безусловно, он не должен был во всем доверять Н.А. Маслаковцу. Однако, на наш взгляд, военному министру стоило относиться с уважением как минимум к трудолюбию и дотошности своего подчиненного, который летом и осенью 1898 г. лично посетил 62 станицы, чтобы достоверно узнать о положении дел в них (Протоколы, 1899: 1-2). Между тем А.Н. Куропаткин, утвердив предложенную ему Н.А. Маслаковцем программу, немедленно обратился к отчетам войсковых атаманов за 1897 г., знакомясь по этим крайне общим и уже несколько устаревшим к началу 1899 г. документам с положением дел в казачьих войсках. Он планировал лично определить направление предстоящих реформ, которые собранная на Дону комиссия должна была только детализировать (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 2109. Л. 93). С нашей точки зрения, для военного министра было логично или проштудировать эти отчеты до утверждения программы работ комиссии Н.А. Маслаковца и скорректировать эту программу в соответствии со сделанными выводами, или уже дать комиссии спокойно работать по утвержденной программе. Однако А.Н. Куропаткин считал свои действия крайне важными и необходимыми и даже приказал скопировать и отдать на вечное хранение составленный им конспект атаманских отчетов, несмотря на его крайнюю поверхностность: так, в разделе конспекта «Экономическое благосостояние» отмечалась только одна

проблема Донского Войска, дословно сформулированная как «надел 14 десятин вместо 30» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 2109. Л. 93 об.). Возможно, для А.Н. Куропаткина информация о том, что душевой надел донских казаков был меньше положенного им по закону, и была новой, но донская войсковая администрация прекрасно знала об этом еще в 1860 г. (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 240. Л. 12 об.-13).

4 января 1899 г. А.Н. Куропаткин закончил написание еще одного небольшого документа, который был назван «Выводы из отчетов войсковых наказных и наказных атаманов за 1897 год» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 2109. Л. 96). Фактически именно данный документ содержал программу предполагаемой деятельности Военного министерства по отношению к казачьим войскам, и поэтому остановимся на нем подробнее.

Главной причиной обеднения казачества А.Н. Куропаткин считал «общее неудовлетворительное экономическое положение земледельческих областей России» и доказывал, что «земледельческие местности казачьих войск по тем же причинам пришли в упадок, как и другие губернии» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 2109. Л. 96). Ни у одного другого автора мы не встречали подобного утверждения, более того, некоторые приводимые военным министром в его доказательство факты не соответствовали действительности. В частности, он писал о сходном «относительном малоземелье» казаков и других жителей России, занимавшихся сельским хозяйством (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 2109. Л. 96). Между тем донские чиновники отмечали, что принадлежащее казаку количество наделной земли «в средней полосе России составило бы источник прочного крестьянского благосостояния, на Дону же оно является недостаточным вследствие особых трат на отбывание воинской повинности», поскольку, хотя казаки и жаловались на малоземелье, их надел оставался в несколько раз больше, чем у большинства российских крестьян (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 24. Л. 15 об.). Не подтверждается статистическими фактами и утверждение А.Н. Куропаткина о повсеместном падении урожаев как в «земледельческих областях России», так и в казачьих войсках (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 1950. Л. 15; Сухоруков, 1891: 201-202). В итоге, если другие авторы пытались найти специфически-казачьи причины упадка благосостояния казачьих войск (о том, как это делала комиссия Н.А. Маслаковца, мы еще напишем ниже), то военный министр выдвигал крайне сомнительный тезис, согласно которому обеднение казачества происходило в основном по тем же причинам, что и у остального населения земледельческих областей Российской империи.

Подобный подход может показаться странным, однако он основывался на весьма своеобразных представлениях А.Н. Куропаткина о законах развития экономики. В 1910 г. уже бывший военный министр писал в своем обобщающем труде «Задачи русской армии», что существуют три пути развития современной экономики: «обратить главное внимание на развитие заводско-фабричной промышленности», «руководствуясь опытом Америки, одновременно развивать как сельскохозяйственную, так и фабрично-заводскую деятельность населения», или, наконец, «обратить главное внимание на развитие сельскохозяйственной деятельности населения со всеми подспорными к нему промыслами» (Куропаткин, 1910: 21). Далее А.Н. Куропаткин доказывал, что Александр III допустил ошибку, выбрав первый из этих путей и сделав ставку на развитие промышленности, и именно в силу этой ошибки «земледельческая деятельность великорусского населения центральных губерний Европейской России за последнее время падает» (Куропаткин, 1910: 24). Он призывал, пока не поздно, отказаться от этого выбора и «обратить внимание на подъем прежде всего земледельческого населения России, составляющего главную основу и силу русского государства» (Куропаткин, 1910: 31). Хотя в бытность военным министром А.Н. Куропаткин не излагал своих экономических взглядов столь последовательно, из его дневников и докладов можно сделать вывод, что и тогда он придерживался схожих идей. Так, в 1903 г. он сделал следующую дневниковую запись о С.Ю. Витте: «Беда в том, что я не доверяю его идеям, не верю, что выбранные им пути, которыми он ведет Россию к экономическому росту, выбраны правильно, боюсь, чтобы скороспелое промышленное развитие, мощно двинутое Витте вперед, не окончилось бы огромных крахом. Меня страшит односторонность принятой им системы привести Россию к благоденствию. Отстают и идут назад в достатке десятки миллионов землевладельцев внутренней России» (Куропаткин, 2010: 107-108). В 1900 г. А.Н. Куропаткин предостерегал Николая II от риска «лихорадочного роста промышленности», который втянет империю в «страшную борьбу за рынки» (Морской, 1914: 67). Таким образом, краеугольным камнем экономических воззрений А.Н. Куропаткина было представление о том, что российская экономика должна быть аграрной, и попытки массовой индустриализации приносят только вред, разоряя занятое сельским хозяйством население. И проблемы казачьих войск он, в отличие от других авторов, трактовал не изолированно, но в связи с этим своим общим представлением о системном кризисе российской экономики, пошедшей по ложному пути индустриализации.

Впрочем, из сказанного выше отнюдь не следует, что А.Н. Куропаткин полностью отрицал существование тех специфически-казачьих причин упадка благосостояния казачьих войск, на которые делали упор другие авторы. Подобно Н.А. Маслаковцу, он считал, что едва ли не все стороны жизни казачества нуждаются в улучшении, и перечислял (но никак не систематизировал) следующие проблемы казачьих территорий, не связанные с общим кризисом сельского населения Российской империи: «отсутствие достаточного числа дорог, неопределенность землепользования,

неопределенность прав на распоряжение своим достатком, отсутствие технических сил и средств, недостаточность школ, недостаток медицинской помощи, недостаточная организация сельских обществ, недостаток суда (не может оградить от конокрадов), отсутствие забот окружной, а где и областной администрации, сложность центральной организации, по 10 лет тянущей дела, военный министр завален непосильной работой» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 2109. Л. 96-96 об.). И, разумеется, А.Н. Куропаткин не мог обойти вниманием военные причины упадка благосостояния казачества, о которых, впрочем, писал самым общим образом: «Снаряжение на службу чрезмерно дорого. Число выставляемых на службу чрезмерно велико. Требования от льготных тоже чрезмерно велики» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 2109. Л. 96 об.).

Итак, в начале 1899 г. новый военный министр Российской империи попытался лично вникнуть в экономические проблемы казачьих войск. Не доверяя программе Н.А. Маслаковца, он обратился к отчетам атаманов за позапрошлый год и нашел в них подтверждения правоты донских дворян, жаловавшихся на упадок благосостояния казачества. Пожалуй, А.Н. Куропаткин писал об этом упадке даже решительнее И.М. Попова или Н.А. Маслаковца: «Войско Донское надорвано, другие (казачьи войска – А.П.) близки к тому же» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 2109. Л. 96 об.). Однако ситуацию в казачьих войсках А.Н. Куропаткин интерпретировал неожиданно и абсолютно иначе, чем другие авторы, считая экономические проблемы этих войск следствием неправильной политики не столько П.С. Ванновского и Н.И. Святополк-Мирского по отношению к казачеству, сколько Александра III и С.Ю. Витте по отношению к сельскому населению России вообще. И А.Н. Куропаткину представилась уникальная возможность доказать как раз С.Ю. Витте свою правоту в споре о приоритетах развития российской экономики, доказать, что современная экономика может быть основана на развитии аграрного сектора. Но для этого нужно было провести такие реформы в казачьих войсках, которые устранили бы не только специфически-казачьи, но и характерные для всей России причины обеднения сельского населения.

Однако именно та часть «Выводов из отчетов войсковых наказных и наказных атаманов за 1897 год», которая касалась дальнейших действий, получилась наиболее слабой и беспомощной. Она состояла из трех разделов: военного, экономического и «общего» (фактически – административного). Только военный раздел содержал конкретные меры: А.Н. Куропаткин предлагал или «ослабить военные требования», уменьшив численность казачьих частей и качество их подготовки, или «прийти на помощь наряжаемым казакам», выделив им пособия из государственного казначейства (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 2109. Л. 96 об.). Общий раздел, по сути, сводился к набору крайне неопределенных пожеланий, которые можно было трактовать как угодно (например, А.Н. Куропаткин предлагал «заботливо подбирать членов высшей казачьей администрации», не уточняя, что подразумевается под «заботливостью») (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 2109. Л. 97). Но нас больше всего интересует экономический раздел, состоявший из 3 пунктов, которые мы приведем полностью:

- «1) Окончить поземельные вопросы определенно.
- 2) Обеспечить казаков, где окажется возможным, наделами, указанными в законе.
- 3) Научить их, кроме производства зерновых хлебов, более обширной сельскохозяйственной деятельности» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 2109. Л. 97).

Мы не можем удержаться и не процитировать отрывок из «Всеобщей истории, обработанной «Сатириконом», посвященный победе русских в Полтавской битве: «При самом начале битвы Петр приказал войскам своим одержать победу, и войска не смели ослушаться» (Всеобщая история, 2004: 655). Мы увидим ниже, что проблемы с размером казачьих наделов и низким уровнем сельскохозяйственных знаний казаков отмечались и комиссией Н.А. Маслаковца. А.Н. Куропаткин просто назвал далеко не все проблемы экономики казачьих войск, хорошо известные специалистам и до него, очевидно, считая, что этого достаточно для их решения! Между тем на практике сложность заключалась как раз в затруднительности, а порой и невозможности решения данных проблем. Так, начальник Главного управления казачьих войск П.О. Щербов-Нефедович, побывав в 1899 г. в Кубанском войске, меланхолично констатировал, что у местных казаков «душевой надел в три раза меньше против установленной нормы» и составляет 9,1 десятины, но исправление ситуации «представляется, очевидно, совершенно невозможным», поскольку раздел между станицами всей свободной войсковой земли увеличит душевой надел примерно на одну десятину (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 1843. Л. 13-14). Увы, подобные детали, видимо, мало интересовали А.Н. Куропаткина. Во всяком случае, по воспоминаниям современников, он несколько раз хотел снять П.О. Щербова-Нефедовича с должности, обвиняя его в «тупости», «кругозоре начальника отделения» и том, что у него «важные дела лежат, а о мелочах много пишет» (Редигер, 1999: 348). Между тем экономические проблемы казачьих войск во многом и складывались из таких «мелочей», делающих невозможным разрешение «важных дел». И, таким образом, собственно способа решения экономических проблем казачества в «Выводах из отчетов войсковых наказных и наказных атаманов за 1897 год» А.Н. Куропаткин не предложил.

Тем не менее 9 января 1899 г. он представил свои «Выводы» Николаю II, и последний не только одобрил их, но и приказал разослать атаманам казачьих войск, чтобы те к 1 июня составили на их

основе «соображения о мерах к поднятию экономического благосостояния казаков» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 2109. Л. 92-92 об.). Отдельно обо всем этом было решено информировать Н.А. Маслаковца, который, видимо, также должен был учитывать пожелания военного министра в работе своей комиссии (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 2109. Л. 92 об.). Однако эта комиссия, состоявшая, как мы помним, в основном из выборных членов, совершенно не собиралась следовать указаниям военного министра. И снова дьявол крылся в деталях: выборные члены комиссии не спорили с тем, что казачество беднеет в силу малоземелья и роста тяжести военной службы, однако настойчиво добавляли к этим причинам обеднения третий фактор – «не соответствующее интересам казачьего населения местное управление» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 24. Л. 6). Это, в свою очередь, позволяло им ставить вопрос о необходимости введения на Дону земств как органов, представляющих местное население, что и было одобрено большинством голосов, а А.А. Донецкий даже требовал «передавать на предварительное заключение областного Войска Донского дворянского собрания тех возникающих на Дону вопросов, которые подлежат разрешению в законодательном порядке», и Н.А. Маслаковец был принужден своей властью председателя комиссии снять данный вопрос с рассмотрения (Протоколы, 1899: 183-185). Член комиссии В.Я. Бирюков при поддержке ряда своих коллег утверждал, что, так как довести душевые наделы казаков до прописанных в законе 30 десятин невозможно просто из-за отсутствия на Юге России таких площадей свободных земель, единственным способом решить проблему малоземелья является освобождение донского казачества от поголовной службы за свой счет, чтобы оно применило, наконец, к земле «личный, постоянно-упорный и свободный труд» (Бирюков, 1899: 13). В наши задачи не входит детальный анализ предложений комиссии Н.А. Маслаковца, но мы можем здесь констатировать, что в ее итоговом докладе, подготовленном к 23 августа 1899 г., содержалось предложение перестроить все устройство Донского Войска в направлении большей демократизации и ослабления военного начала (Маслаковец, 1899: 1-119).

Однако А.Н. Куропаткин не знал о ходе работ комиссии, и весной 1899 г. планировал ограничиться предусмотренными «Выводами из отчетов войсковых наказных и наказных атаманов за 1897 год» мерами. Но для их реализации, для обучения казаков новым методам сельского хозяйства и выплат тем из них, кто выходил на службу, были нужны дополнительные деньги. Можно усмотреть определенную иронию в том, что за ними А.Н. Куропаткин обратился к человеку, с чьими экономическими взглядами он так спорил, к С.Ю. Витте. Еще в 1870 гг. Военное министерство приказало сдать больше миллиона десятин Задонской степи в аренду частным коннозаводчикам по льготным ценам сроком до 1898 г. (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 59. Л. 2). Донские власти по понятным причинам считали эту аренду крайне невыгодной для себя и с 1883 г. пытались получить от военного министерства компенсацию (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 59. Л. 1 об.-2). К концу 1890 г. вокруг Задонских степей сложилась очень интересная ситуация. Они стали основным источником пополнения конского состава регулярной кавалерии, и, по оценке правительственных экспертов, до 1918 г. не могло идти и речи о возврате этих земель войску (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 59. Л. 2 об.). В итоге срок аренды был продлен до 1900 г., а многочисленные правительственные комиссии высчитывали потери Донского Войска от существования на его территории конных заводов, взявших землю в аренду по льготным ценам (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 59. Л. 3). И в «Выводах из отчетов войсковых наказных и наказных атаманов за 1897 год» А.Н. Куропаткин рассчитывал, что именно компенсация от казны за Задонскую степь станет тем ресурсом, за счет которого можно будет начать осуществлять новую политику по отношению к Войску Донскому. Он был настолько уверен в получении этой компенсации в размере 500 000 руб. в год, что приказал учитывать ее в составлении новой войсковой сметы уже в 1899 г. (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 2109. Л. 94). При этом, отправляя соответствующие документы на предварительное рассмотрение С.Ю. Витте, военный министр честно написал ему, для чего нужны эти деньги, и попытался доказать, что «с развитием промышленности в казачьих областях не следует пока спешить» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 59. Л. 4).

Ответ С.Ю. Витте был быстрым, жестким и крайне критическим. Он последовал уже 13 апреля 1899 г. (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 59. Л. 3 об.). Министр финансов несколько иронично замечал, что его оппонент, «признавая нежелательным принять соответственные меры к быстрому развитию промышленности в казачьих областях», взамен этого просит для этих областей особых субсидий, которые, если называть вещи своими именами, есть не что иное, как «пополнение недочетов в благосостоянии казаков остальным населением Империи» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 59. Л. 4). Взамен просьб о субсидиях С.Ю. Витте предлагал «возложить надежды» на комиссию Н.А. Маслаковца, «которая, вероятно, найдет средства к изысканию местных источников и способов для увеличения благосостояния казаков, а в таких источниках богатой дарами природы страны, как Донское Войско, недостатка не будет» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 59. Л. 4 об.). Наконец, делая вид, что не понимает, откуда собирался просить дополнительное финансирование А.Н. Куропаткин, министр финансов напоминал, что бюджет Военного министерства находится не в лучшем состоянии и в нем нет излишка в полмиллиона рублей, что делает невозможным выделение их Донскому Войску (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 59. Л. 4 об.).

Как мы видим, уже к весне 1899 г. А.Н. Куропаткин полностью утратил контроль над развитием ситуации вокруг экономического положения казачьих войск. Комиссия Н.А. Маслаковца не считалась с предложенным военным министром общим планом преобразований, разрабатывая собственный, куда более масштабный проект, предполагавший полную перестройку Донского Войска как государственного института. Министерство финансов между тем не желало выделять денег для реализации даже ограниченной программы военного министра. Единственным органом, контроль над которым А.Н. Куропаткин сохранил, было Главное управление казачьих войск, и в 1899 г. П.О. Щербов-Нефедович отбыл в Кубанское и Терское войска, чтобы на месте проверить их экономическое состояние (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 1843. Л. 1-2).

К осени 1899 г. Военное министерство получило, наконец, итоговый доклад комиссии Н.А. Маслаковца. В его заключении содержалась просьба, независимо от решения военного министра по остальному содержанию доклада, немедленно реализовать две меры для устранения «экономического кризиса» на Дону: начать выплачивать всем выходящим на службу казакам пособие в размере 100 руб. и предоставить им кредиты из войскового капитала на 12 лет под 4 % годовых (Маслаковец, 1899: 116). И только тут А.Н. Куропаткин понял, что донское дворянство идет значительно дальше предложенных им мер. Однако ему не хватило решительности ни поддержать этот доклад, ни, напротив, отклонить его. Официально работа комиссии была признана успешной, и 6 декабря 1899 г. ее председатель, Н.А. Маслаковец, получил от Николая II «украшенную бриллиантами табакерку с вензелевым изображением Высочайшего имени» (Григорович, 1911: 265). Но одновременно уже началась работа по своеобразному «забалтыванию» ее деятельности, выхолащиванию сущности предложений комиссии. В конце 1899 – начале 1900 гг. итоговый доклад комиссии Н.А. Маслаковца был разослан командирам военных округов, корпусов и дивизий, в состав которых входили казачьи части (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 2109. Л. 23). При этом А.Н. Куропаткин сообщал командирам, что считает необходимым немедленную реализацию еще трех мер, направленных на преодоление экономического кризиса в казачьих войсках: он планировал отменить военные занятия в станицах, уменьшить число лагерных сборов второочередных казаков и безусловно освободить от службы льготных по семейному положению (прежде они могли быть призваны, хотя и в последнюю очередь) (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 2109. Л. 23). Но даже эти незначительные меры, как и меры, рекомендованные комиссией Н.А. Маслаковца к немедленному исполнению, А.Н. Куропаткин боялся реализовывать своей властью и просил сообщить, «если приведенные мероприятия будут признаны нежелательными» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 2109. Л. 23).

Пожалуй, из командиров не казачьего происхождения, не служивших в казачьих войсках, самый честный ответ прислал из Киева недолюбивавший военного министра М.И. Драгомиров: «Считаю себя не настолько знающим положение казаков, чтобы дать какое-либо заключение относительно изыскания способов к восстановлению экономического благосостояния казаков Донского Войска» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 2109. Л. 62 об.). Другие генералы не смели отвечать настолько резко и пытались написать что-то по теме, обращаясь, как правило, не к экономическим, а к чисто военным аспектам доклада. Так, великий князь Сергей Александрович призывал быть «крайне осторожными» в облегчении казачьей службы, поскольку «ошибочное направление в этом деле может повлечь за собою крайне нежелательные последствия и может заметно ослабить военных дух казаков» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 2109. Л. 32 об.), а генерал-лейтенант князь С.И. Васильчиков жаловался, что упрощение формы казаков не позволит им быть «щеголеватыми» на Высочайших смотрах (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 2109. Л. 34). Генерал от инфантерии В.Д. Скалон, разобрав военную часть доклада комиссии, вообще заявил затем, что ее экономические и административные предложения выходят за пределы компетенции Военного министерства, «касаясь общегосударственных финансовых вопросов» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 2109. Л. 37 об.). Одни генералы отмечали «всесторонность» и «добросовестность» доклада Н.А. Маслаковца (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 2109. Л. 51 об.), а другие иронизировали над «необоснованностью» и «призрачностью» высчитанных комиссией «будто бы миллионных расходов, лежащихся тяжелым бременем на казачье население» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 2109. Л. 59). Генерал от кавалерии Ф.И. Тутомлин заявил, что вообще-то важнейшей причиной упадка благосостояния казаков Донского Войска было «небрежение донского управления (то есть донской войсковой администрации – Авт.) ко благу этой области» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 2109. Л. 31 об.-32). «Кто приказал увеличивать число вещей у казаков, поступающих в первые полки?» – восклицал он, – «кто виноват, что 100 000 руб., назначенные в строевое пособие, превращены в областное расходование?» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 2109. Л. 32). А донская администрация в лице занимавшего с 1883 г. должность помощника начальника войскового штаба В.М. Лютенскова уже сама перешла в контратаку, отзываясь в довольно презрительном тоне о «заседавшей в городе Новочеркасске комиссии генерал-лейтенанта Маслаковца» и ставя ей в упрек то, что она «ориентировалась на заявления «компетентных лиц» (именно в кавычках, подразумевая под этим выборных членов комиссии – Авт.)» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 2109. Л. 81). В.М. Лютенскова поддержал и новый атаман К.К. Максимович, заявивший, что, например, «громадные убытки» казаков пригготовительного разряда комиссией Н.А. Маслаковца «чрезмерно преувеличены» и атаману многие «старики-казаки»,

напротив, доказывали, что сборы приговорительного разряда «почти ничего не стоят» и их надо сохранить ради «старого казачьего духа» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 2109. Л. 66). В этой разногласии ценных, бесполезных, противоречивых, часто просто вздорных или пристрастных мнений экономические программы как комиссии Н.А. Маслаковца, так и самого А.Н. Куропаткина оказались отодвинуты куда-то на самый задний план, а в центр внимания встали вопросы о том, чему учить молодых казаков в военном отношении и как сохранить казачьи военные традиции...

В итоге конкретные меры по улучшению положения казаков начали реализовываться только с 24 декабря 1899 г., когда Николай II одобрил предложение А.Н. Куропаткина временно, до начала 1903 г., не призывать на службу «казаков – единственных в семье работников» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 3 об.). Приблизительно тогда же военному министру удалось, наконец, провести через Государственный совет решение о выплате Донскому Войску компенсации за Задонскую степь в размере 538 000 руб. в год, но только с 1 января 1901 г. (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 4). Однако военный министр понимал, что рассчитывать на увеличение этой компенсации из-за жесткой позиции С.Ю. Витте не приходится, а рассмотрение доклада Н.А. Маслаковца окружными, корпусными и дивизионными командирами в общем-то только усложнило выработку новой правительственной политики по отношению к казачьим войскам. Более того, даже в случае, если бы военный министр полностью поддержал проект реформ, детально и основательно разработанный комиссией Н.А. Маслаковца, его реализация в конкретных условиях 1900 г. была бы невозможна: сами члены комиссии признавали, что проектируемые ими меры приведут к росту правительственных расходов на Войско Донское приблизительно на 1 414 591 руб. в год (Маслаковец, 1899: 119). О получении этих денег из внутренних ресурсов войска речи не шло: комиссия предлагала потребовать от Министерства финансов, кроме компенсации за задонские степи, еще и компенсации за содержание в области Войска Донского государственных учреждений на войсковой счет, а также увеличения суммы компенсации за лишение войска права собирать налоги с алкоголя в свою пользу (Маслаковец, 1899: 119-120). Понятно, что попытка добиться столь серьезного увеличения финансирования Донского Войска еще больше обострила бы конфликт между Военным министерством и Министерством финансов, и даже если бы первое выиграло в этом конфликте, рассмотрение вопроса различными ведомственными комиссиями и Государственным советом заняло бы годы, как было с разрешением конфликта вокруг Задонских степей.

И в этой ситуации А.Н. Куропаткин принял компромиссное решение. Все еще не заявляя прямо об отказе от реализации проекта комиссии Н.А. Маслаковца, 19 марта 1900 г. он спросил у Николая II разрешение поехать в область Войска Донского, чтобы «лично самому ознакомиться на месте с условиями быта донского казака» и «тем самым уяснить большую или меньшую степень важности и неотложности тех или иных из целого ряда намеченных означенной комиссией мероприятий» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 4). Отдельно военный министр подчеркивал важность того, чтобы 538 000 руб. ежегодной компенсации за Задонскую степь были израсходованы с «возможно большей пользой для дела» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 4). Разрешение последовало, и с 11 мая по 3 июня 1900 г. А.Н. Куропаткин объезжал донские станицы, причем первоначально он планировал уделить этой командировке еще больше времени, и только осложнения на Дальнем Востоке из-за боксерского восстания заставили его вернуться в Санкт-Петербург (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 4). Подобной личной инспекции Дона с целью его исследования не предпринимал даже Д.А. Милютин, в 1860 гг. планировавший радикально реформировать казачьи войска (ОР РГБ. Ф. 169. Кар. 23. Ед. хр. 20. Л. 1-20). А.Н. Куропаткин, понимая важность экономических проблем казачества, пошел на невиданный доселе шаг и уделил крупнейшему казачьему войску такое внимание, какого не уделял ни один его предшественник за полвека.

Увы, практическая польза от осмотра А.Н. Куропаткиным донских станиц вызывает у нас сомнения. Из описания его поездки следует, что только в Новочеркасске он задержался более чем на сутки, а в некоторые дни успевал «осмотреть» две станицы, при том, что пройденный им путь даже без учета поездок по железным дорогам составил 1 164 версты (т.е. в день министр проезжал почти 50 верст) (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 4 об.-5). При этом А.Н. Куропаткин не забывал заходить в станичные соборы и церкви, а также принимать депутации казаков (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 4 об.)! С хозяйством посещаемых станиц военный министр знакомился, по собственному признанию, «по книгам», а чтобы составить общую картину, пользовался некими «статистическими данными», «обработанными управляющим атаманской канцелярией Генерального штаба полковником Балубевым» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 4 об.). Между тем комиссия Н.А. Маслаковца специально подчеркивала, что статистические сведения, сообщаемые донскими властями, крайне неточны и на них нельзя ориентироваться при подготовке реформ (Протоколы, 1899: 156). Более того, А.Н. Куропаткина сопровождали в поездке новый донской атаман К.К. Максимович и ряд лиц из его окружения, но ни донские дворяне, ни члены комиссии Н.А. Маслаковца, ни даже ее председатель не были приглашены в эту поездку (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 5-5 об.). Таким образом, военный министр, в 1898 г. неожиданно выступивший союзником донских дворян против войскового атамана, к 1900 г. фактически сменил сторону в этом

конфликте и, очевидно, уже к началу своей командировки на Дон рассчитывал по ее итогам отвергнуть предложения комиссии Н.А. Маслаковца.

Мы не будем подробно останавливаться на описании А.Н. Куропаткиным ситуации в отдельных станицах. Оно крайне подробно, по-своему интересно и заслуживает специального исследования, однако детализация фактов военным министром чрезмерна и демонстрирует, с одной стороны, его «недоверие к подчиненным и мелочную опеку», а с другой – ту же поверхностность, что и конспект отчетов атаманов за 1897 г. Поэтому попытка систематизировать сообщаемые А.Н. Куропаткиным факты потребовала бы отдельной статьи. Тем не менее его самые впечатляющие наблюдения заслуживают того, чтобы быть приведенными. Так, в Ростове-на-Дону А.Н. Куропаткин лично занялся инспекцией единственного большого в местной казачьей команде и сообщил в докладе императору, что тот был в «очень грязной» портянке (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 7). Несмотря на недостаток времени и общую цель поездки, военный министр посетил Новочеркасский кадетский корпус и обсудил с его начальником то, как кадеты поливают цветы в классах и покупают образа для этих классов (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 8 об.). Зато вопрос о том, насколько дорого обходится казакам приготовительный разряд, А.Н. Куропаткин почему-то задал только в одной станице, Романовской, жители которой полностью поддержали позицию К.К. Максимовича о дешевизне и эффективности учебных сборов (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 13). При этом они явно сообщали недостоверные сведения: в частности, станичники заявили, что все казаки приходят на сборы «конечно, умея ездить верхом, иногда лучше даже обучающего урядника» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 13), в то время как строевые командиры в своих отзывах на доклад Н.А. Маслаковца писали, что с Дона достаточно массово прибывают новобранцы, «никогда не сидевшие на коне» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 2109. Л. 38). Очевидно, что за два месяца, прошедшие с получения А.Н. Куропаткиным разрешения от Николая II совершить поездку на Дон до начала этой поездки, войсковые власти подготовились принять военного министра так, чтобы он окончательно занял их сторону по важнейшим вопросам.

И действительно, исследуя экономическое положение станиц, А.Н. Куропаткин основную часть вины за его упадок возложил на самих казаков. Например, он констатировал, что урожаи в сам-4 и сам-5, характерные для казачьих хозяйств, «очень малы» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 23). Весьма своеобразно оценивал военный министр и положение тех казачьих хозяйств, с которыми он знакомился более подробно. Так, 12 мая он побывал у Н. Кутарева, бедного казака станицы Урюпинской, чей единственный взрослый сын был на службе, причем, поскольку денег на его снаряжение у семьи не было, их дала в долг станица, но в счет уплаты долга вырубилась весь лес на участке Кутаревых и принудительно сдала в аренду половину этого участка на неопределенный срок, до тех пор, пока полученная выручка не покроет долг (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 23). А.Н. Куропаткин не понимал, почему казак «плачется», и высказывал мысль, что он, «сравнительно молодой и весьма крепкий и здоровый», несмотря на сокращение надела вдвое, мог бы разбить на своем участке огород и продавать выращенное на нем с большим барышом (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 23). Другие советы военного министра по улучшению казачьих хозяйств были не менее оригинальны. Например, он предлагал не держать скот для пахоты постоянно, но покупать его весной и продавать осенью, а на вырученные деньги зимой заниматься торговлей (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 24 об.). Подобные анекдотические советы могут показаться нереалистичными в устах военного министра, однако воспоминания современников свидетельствуют, что и в других случаях он с апломбом высказывал крайне странные идеи в незнакомых ему областях. Так, морские офицеры жаловались, что А.Н. Куропаткин считал возможным в случае десанта вместо оборудования в местах высадки баз снабжения для приема в них транспортных пароходов, просто выбрасывать эти пароходы на берег (Айрапетов, 2010: 13).

В итоге поверхностный осмотр донских станиц в окружении лиц, заинтересованных в том, чтобы войсковая администрация была признана невиновной в экономических проблемах казачьих хозяйств, окончательно убедил военного министра в правильности основных идей, изложенных в «Выводах из отчетов войсковых наказных и наказных атаманов за 1897 год». Подводя итог раздела о земледелии в своем докладе императору о поездке, А.Н. Куропаткин писал, что «главное зло – неправильная, без всякой системы распашка полей», ведущая к сокращению урожаев (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 32). Таким образом, военный министр все еще придерживался мнения, что донское казачество беднеет по причинам, характерным для всего населения Российской империи, и специфически-казачьи факторы играют тут только второстепенную роль. Мысль о том, что таким казакам, как Н. Кутарев, именно долгие годы службы мешают применять к земле «личный, постоянно-упорный и свободный труд», А.Н. Куропаткину не приходила в голову. Даже из приведенных нами отрывков видно, что в представлении военного министра казак должен был быть каким-то сверхчеловеком, не только хорошо служащим в армии и умеющим ездить верхом уже к началу своего обучения в станице, но и практикующим правильный севооборот, способным к занятиям огородничеством и не тратящим зря ни месяца времени – ведь даже зимой можно было улучшать свое благосостояние торговлей! Между тем обязанности казака как воина и как хозяина донские авторы противопоставляли еще с 1860 гг., когда крупнейший казачий статистик

Н.И. Краснов писал: «Казак, в настоящем его значении, есть воин-поселянин, обязанный за поземельный надел быть постоянно готовым к выступлению в поход. На нем постоянно лежат две обязанности: гражданина, заботящегося о средствах к своему и своего семейства существованию, и воина, которого ремесло редко может принести пользу в хозяйстве. Противоположность этих двух занятий неминуемо должна отразиться на казаке, и, чем материальное положение его на родине выше, тем менее оно будет годно к военной службе» (Краснов, 1870: XIII). К сожалению, реальные донские казаки не соответствовали идеалу, нарисованному воображением военного министра, и он, как мы увидим ниже, обвинил их в этом.

В конце мая 1900 г. А.Н. Куропаткин доехал до Новочеркасска, где его уже ждал в местном дворянском собрании М.С. Марков. Вероятно, областной предводитель дворянства, за два года до этого поддержанный военным министром в своей борьбе против Н.И. Святополк-Мирского, рассчитывал снова переломить ситуацию в свою пользу, убедив военного министра в необходимости поддержать решения комиссии Н.А. Маслаковца, в число членов которой он входил лично (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 18. Л. 3-3 об.). Однако А.Н. Куропаткин обратился к нему и к другим донским дворянам с крайне резкой речью, не оставляющей сомнений в том, что с 1898 г. его позиция изменилась радикально. Прежде всего военный министр отказался от своих прежних заявлений о «надорванности Донского Войска». Он в лицо обвинил донских дворян если не во лжи, то, по крайней мере, в серьезной неточности: «Из знакомства моего с условиями жизни казаков даже беднейших станиц я вынес более отрадное впечатление, чем то можно было ожидать на основании заявлений донского дворянства и работ комиссии Маслаковца. К счастью, угрожающего на Дону еще не так много» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 51 об.). Далее он указал главных виновников упадка казачьего благосостояния, которыми были объявлены... сами казаки и их «ближайшие руководители», то есть, очевидно, станичные власти, допустившие «нерасчетливую эксплуатацию земли» и «истребление лесов» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 51 об.). А затем следовало очень важное и принципиально новое для А.Н. Куропаткина утверждение о том, что «упадок, в сущности, понятие относительное» и по сравнению с центральной Россией никакого упадка благосостояния на Дону нет (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 51 об.). Впрочем, военный министр признал крайнюю тяжесть казачьей службы, но тут же оговорился, что выделенные имперской казной 538 000 руб. в год за Задонскую степь помогут решить эту проблему (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 51 об.-52). И теперь казакам оставалось искупить свою «вину», не только начав «правильно эксплуатировать землю» и «восстановить леса», но и развив в своей среде «виноградарство и виноделие, садоводство, пчеловодство, шелководство и рыболовство, не говоря уже о горных промыслах» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 52). А помочь казакам сделать все это должно было «прежде всего дворянство» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 52). Таким образом, личное посещение Донского Войска произвело на А.Н. Куропаткина неожиданный эффект: он решил, что раз донское казачество остается зажиточнее крестьянского населения остальной России, имеющиеся у него экономические проблемы можно считать относительно маловажными и возложить их решение на самих казаков и местное дворянство.

И, вернувшись в Санкт-Петербург, А.Н. Куропаткин в своем докладе Николаю II сообщал, что в результате поездки на Дон пришел к трем важнейшим выводам:

- «1) Человек в Донской области полон сил, здоровья, дорожит своим званием казака, но недостаточно энергично и умело распоряжается выпавшим на его долю земельным добром.
- 2) Производительность земли ослабела, но земля все еще кормит казака.
- 3) Лошадь казака во многих случаях уже не может нести службу» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 57 об.).

Соответственно, ни о каких серьезных реформах в его докладе речи уже не шло: ни о реализации программы комиссии Н.А. Маслаковца, ни о попытке как-то переломить тот кризис, который сам А.Н. Куропаткин считал характерным для всего сельского населения России. Решение проблемы военный министр нашел как раз в компенсации Донскому Войску за Задонскую степь: он предлагал за счет этих денег выплачивать каждому казаку 100 руб. при выходе на службу, ни словом не обмолвившись, что эту инициативу первой предложила комиссия Н.А. Маслаковца (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 57).

Мы позволим себе не останавливаться подробно на дальнейшей деятельности А.Н. Куропаткина по развитию экономики в казачьих войсках. Это не значит, что такой деятельности не было. В 1901 г. была утверждена программа для новой комиссии, призванной облегчить состояние казачества и создаваемой уже не в Новочеркасске, а в Санкт-Петербурге, при Главном управлении казачьих войск (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 2109. Л. 89). Однако эта комиссия уже не рассматривала серьезных экономических вопросов, вместо этого уточняя суммы положенных казакам ремонтных денег или, максимум, снова рассуждая о целесообразности сохранения приговорительного разряда (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 2109. Л. 89). Военный министр по-прежнему пытался вмешиваться в работу этой комиссии, сообщая ее членам свои резолюции (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 2071. Л. 1-2 об.). П.О. Щербов-Нефедович в 1902 г. посетил Оренбургское войско, исследовав его экономическое положение и хозяйственный быт (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 1861. Л. 1), а в 1903 г. ту же миссию в

Забайкальском войске выполнил Н.А. Маслаковец (Маслаковец, 1903). Однако политика А.Н. Куропаткина по отношению к экономическому развитию казачьих войск уже не менялась, ключевые решения были приняты, и даже стиль действий военного министра, мелочный и сумбурный, оставался тем же.

4. Заключение

Самоуверенный даже в незнакомых ему областях, А.Н. Куропаткин исходил при изучении экономических проблем казачьих войск не столько из реальных фактов, сколько из своих сомнительных концепций о вреде развития промышленности и упадке российского крестьянства. Военный министр был крайне непоследователен в своих действиях: в 1898 г. он экстренно снял с должности Н.И. Святополк-Мирского примерно за те же взгляды, к которым сам пришел в 1900 г. Наконец, попытка А.Н. Куропаткина пойти навстречу донскому дворянству и создать выборную комиссию для изучения причин экономического кризиса на Дону выглядит проявлением неспособности просчитать последствия собственных действий: военный министр не поставил перед этой комиссией четкой задачи и разрешил ей свободно обсуждать широкий спектр вопросов, но затем оказался не готов к тому, что ее члены воспользовались этим и предложили вместо локальных мер полное переустройство Донского Войска. Начав с давно назревших и необходимых для решения экономических проблем казачества шагов, А.Н. Куропаткин быстро все запутал, допустил целый ряд ошибок, связанных с особенностями его личности, и в итоге во многом вернулся к экономической политике своих предшественников, П.С. Ванновского и Н.И. Святополк-Мирского, считавших самих казаков виновными в упадке своего благосостояния.

Означало ли это, что вся деятельность Военного министерства в казачьих войсках в 1898–1900 гг. была бесполезной? Отнюдь нет. Хотя экономические проблемы не были решены, положение простых казаков значительно облегчилось. Даже представители донской элиты, большая часть пожеланий которых не была удовлетворена, писали на этот счет следующее: «Были предварительно даны временные льготы в виде разрешения освободить от действительной службы одиночек-казаков (то есть являющихся единственными в семье кормильцами и работниками), сокращения лагерных сборов, облегчения порядка отпуска льготных казаков из мест их жительства, назначение сторублевого пособия на приобретение лошади при выходе на службу и т.п. Все эти льготы сами по себе были большим благодеянием для казаков» (Донцы, 2003: 302-303). Однако все эти благодеяния в глазах донской элиты оказались связаны в первую очередь с деятельностью комиссии Н.А. Маслаковца (Донцы, 2003: 302-303). Работа данной комиссии хорошо известна современным историкам, о ней пишутся научные статьи (Скорик, 2014). Роль же А.Н. Куропаткина в облегчении казачьей службы и улучшении экономического положения казаков оказалась полузабыта. И в этом был виноват он сам: сначала поддержав идею о преобразованиях казачьих войск для улучшения их экономического положения, военный министр затем сам свернул подготовку серьезных реформ, выходящих за рамки некоторого облегчения казачьей службы и выплаты казакам пособий. Если добавить к этому анекдотические советы министра, считавшего возможным, например, в обычном хозяйстве продавать весь скот осенью и на вырученные деньги торговать зимой, станет окончательно ясно, почему облегчение положения казачества в начале XX в., фактически организованное А.Н. Куропаткиным, не ассоциируется с его именем даже у профессиональных историков.

Таким образом, если рассматривать А.Н. Куропаткина через призму экономических реформ в казачьих войсках, его личность выглядит неоднозначной, но вполне понятной. Он предстает далеко не глупым человеком, изначально верно оценившим значение экономического кризиса в казачьих войсках, однако при этом слишком самоуверенным, чтобы дать искать выход из этого кризиса другим, и слишком слабым, чтобы реализовывать собственную политику вопреки сопротивлению донской элиты и войсковой администрации. Довершает этот образ патологическое невнимание к деталям, парадоксальным образом уживающееся с желанием все мелочно контролировать. Замыслы А.Н. Куропаткина были совершенно правильными, актуальными и в случае их реализации могли сделать военного министра настоящим спасителем казачьих войск. Однако реализовать эти замыслы человек с такими особенностями не мог.

Литература

Айрапетов, 2010 – Айрапетов О.Р. Автор, время и события «Дневника» // Куропаткин А.Н. Дневник генерала Куропаткина. М., 2010. С. 3-76.

Белозерова, 2014 – Белозерова О.А. Об оценке стратегии генерала А.Н. Куропаткина в русско-японской войне 1904-1905 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 2014. № 2. С. 154-163.

Бирюков, 1899 – Бирюков В.Я. Доклад члена Комиссии В.Я. Бирюкова о влиянии воинской службы донских казаков на их хозяйственный быт. Новочеркасск, 1899. 13 с.

Витте, 1924 – Витте С.Ю. Воспоминания. Т. I. Л., 1924. 504 с.

Всеобщая история, 2004 – Всеобщая история, обработанная «Сатириконом» // Юмор начала XX в. М., 2004. С. 543-667.

- Ганин, 2008 – Ганин А.В. Накануне катастрофы. Оренбургское казачье войско в конце XIX – начале XX вв. (1891–1917). М., 2008. 704 с.
- ГАРО – Государственный архив Ростовской области.
- Генерал Куропаткин, 2018 – Генерал Куропаткин – государственный и военный деятель Российской империи. К 170-летию со дня рождения. СПб., 2018. 370 с.
- Григорович, 1911 – Григорович Н.С. Памяти Н.А. Маслаковца // *Труды Оренбургской ученой архивной комиссии*. Вып. 23. Оренбург, 1911. С. 262–66.
- Донцы, 2003 – Донцы XIX века. Ростов-на-Дону, 2003. 599 с.
- Карасев, 1899 – Карасев А.А. Донские атаманы за последние полвека // *Русский архив*, 1899. Кн. 2. С. 106–116.
- Куропаткин, 1910 – Куропаткин А.Н. Задачи русской армии. Т. III. СПб., 1910. 442 с.
- Куропаткин, 2010 – Куропаткин А.Н. Дневник генерала Куропаткина. М., 2010. 445 с.
- Краснов, 1870 – Краснов Н.И. Военное обозрение земли Войска Донского. СПб, 1870. 352 с.
- Маслаковец, 1899 – Маслаковец Н.А. О занятиях высочайше учрежденной 16-го июня 1898 года Комиссии в области Войска Донского и о достигнутых ею результатах: Доклад состоящего в распоряжении военного министра Генерального штаба генерал-лейтенанта Маслаковца 23 авг. 1899 г. СПб., 1899. 123 с.
- Маслаковец, 1903 – Маслаковец Н.А. Доклад о результатах командировки состоящего в распоряжении военного министра генерал-лейтенанта Маслаковца в 1903 году в Забайкальское казачье войско. СПб., 1903. 260 с.
- Морской, 1914 – Морской А. Военная мощь России. Предсказания ген.-адъютанта А.Н. Куропаткина и их критика гр. С.Ю. Витте. Пг., 1914. 160 с.
- ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.
- ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки.
- Петровский, 1916 – Петровский А.И. Опись войсковым, наказным и войсковым наказным атаманам, в разное время в города Черкасск, а затем Новочеркасск для управления областью Войска Донского от высшего начальства поставленным. (1738–1916 гг.). Новочеркасск: 1916. 40 с.
- Протоколы, 1899 – Протоколы Комиссии по исследованию нужд казачьего населения Донской области. Б.м., 1899. 289 с.
- Редигер, 1999 – Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. Т. I. М., 1999. 576 с.
- РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.
- РГИА – Российский государственный исторический архив.
- Сватиков, 1924 – Сватиков С.Г. Россия и Дон (1549–1917 гг.). Белград, 1924. 592 с.
- Свириденко, 1999 – Свириденко А.Н. Алексей Николаевич Куропаткин: драма неуместности // *Вестник Челябинского государственного университета*. 1999. № 2 (10). С. 104–111.
- Скорик, 2014 – Скорик А.П. Проблемы и противоречия традиционного быта донских казаков на рубеже XIX–XX вв. (о результатах работы комиссии Н.А. Маслаковца) // *Модернизация полиэтничного макрорегиона и сопредельных государств: опыт, проблемы, сценарии развития*. Ростов-на-Дону, 2014. С. 268–273.
- Скорик, 2015 – Скорик А.П. Милютинский казачий юрт: опыт исторической реконструкции. Новочеркасск, 2015. 1184 с.
- Советская военная энциклопедия, 1977 – Советская военная энциклопедия. Т. IV. М., 1977. 656 с.
- Сухоруков, 1891 – Сухоруков В.Д. Статистическое описание Земли Донских казаков, составленное в 1822–1832 годах. Новочеркасск, 1891. 302 с.
- Derzhanskaya, Peretyatko, 2018 – Derzhanskaya A.Z., Peretyatko A.Y. The real and alleged problems: on the application of statistical methods for N.A. Maslakovets's commission // *Rusin*. 2018. 54. Pp. 107–125.
- Rajović et al., 2019 – Rajović G., Krinko E.F., Vazerova A.G., Trailovic M. Biographical Research in the Modern Historiography of the Don Cossacks of the second half of the XIX century. Part I // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 51. Is. 1. Pp. 209–218.
- Rajović et al., 2019a – Rajović G., Krinko E.F., Vazerova A.G., Trailovic M. Biographical Research in the Modern Historiography of the Don Cossacks of the second half of the XIX century. Part II // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 52. Is. 2. Pp. 701–713.
- Volvenko, 2016 – Volvenko A.A. D.A. Milyutin and Cossacks // *Bylye Gody*. 2016. Vol. 40. Is. 2. Pp. 398–411.

References

- Airapetov, 2010 – Airapetov O.R. (2010). Avtor, vremena i sobytiya «Dnevnika» [The author, time and events of the «Diary»]. Kurapatkin A.N. Dnevnik generala Kurapatkina. М. Pp. 3–76. [in Russian]
- Belozeroва, 2014 – Belozeroва O.A. (2014). Ob otsenke strategii generala A.N. Kurapatkina v russko-yaponskoi voine 1904–1905 gg. [On the Evaluation of the Strategy of Gen. Aleksey Kurapatkin in the Russo-Japanese War (1904–1905)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seria 2. Istoria*. №. 2. Pp. 154–163. [in Russian]

Biryukov, 1899 – *Biryukov V.Ya.* (1899). Doklad chlena Komissii V.Ya. Biryukova o vliyanii voinskoj sluzhby donskikh kazakov na ikh khozyaistvennyi byt [Report of the Commission member V. Ya. Biryukov about the impact of military service of the Don Cossacks to their economic life]. Novocherkassk. P. 13. [in Russian]

Derzhanskaya, Peretyatko, 2018 – *Derzhanskaya A.Z., Peretyatko A.Y.* (2018). The real and alleged problems: on the application of statistical methods for N.A. Maslakovets's commission. *Rusin.* 54. Pp. 107-125.

Doncy, 2003 – Doncy XIX veka [Don Cossack of the nineteenth century]. Rostov-on-Don, 2003. P. 599. [in Russian]

Ganin, 2008 – *Ganin A.V.* (2008). Nakanune katastrofy. Orenburgskoe kazach'e voisko v kontse XIX – nachale XX v. (1891-1917) [Before the catastrophe. Orenburg Cossack Host in the late XIX – early XX century (1891-1917)]. M. P. 704. [in Russian]

GARO – Gosudarstvennyi arkhiv Rostovskoi oblasti [State archive of the Rostov region].

General Kuropatkin, 2018 – General Kuropatkin – gosudarstvennyi i voennyi deyatel' Rossiiskoi imperii. K 170-letiyu so dnya rozhdeniya [General Kuropatkin – statesman and military leader of the Russian Empire. To the 170th anniversary of the birth]. SPb., 2018. P. 370. [in Russian]

Grigorovich, 1911 – *Grigorovich N.S.* (1911). Pamyati N. A. Maslakovtza [In memory of N.A. Maslakovets]. Trudy Orenburgskoi uchenoi arkhivnoi komissii. Vyp. 23. Orenburg. Pp. 262-266. [in Russian]

Karasev, 1899 – *Karasev A.A.* (1899). Donskie atamany za poslednie polveka [Don atamans over the past half-century]. *Russkii arkhiv.* Vol. 5. Pp. 106-116. [in Russian]

Krasnov, 1870 – *Krasnov N.I.* (1870). Voennoe obozrenie Zemli Donskogo Voiska [Military review of the Don Host Oblast]. SPb. P. 352. [in Russian]

Kuropatkin, 1910 – *Kuropatkin A.N.* (1910). Zadachi russkoj armii [The tasks of the Russian army]. Vol. III. SPb. P. 442. [in Russian]

Kuropatkin, 2010 – *Kuropatkin A.N.* (2010). Dnevnik generala Kuropatkina [Diary of General Kuropatkin]. M. P. 445. [in Russian]

Maslakovets, 1899 – *Maslakovets N.A.* (1899). O zanyatiyakh vysochaishe uchrezhdennoi 16-go iyunya 1898 goda Komissii v oblasti voiska Donskogo i o dostignutykh eyu rezul'tatakh: Doklad sostoyashchego v rasporyazhenii voennogo ministra General'nogo shtaba general-leitenanta Maslakovtza 23 avg. 1899 g. [About the activity of the Commission in Don Cossack Hosts which was supreme approved on June 16 1898 and about its results: Report of the Lieutenant-General of the General Staff Maslakovets, which is the order of the War Minister. Aug. 23 1899]. SPb. P. 123. [in Russian]

Maslakovets, 1903 – *Maslakovets N.A.* (1903). Doklad o rezul'tatakh komandirovki sostoyashchego v rasporyazhenii voennogo ministra general-leitenanta Maslakovtza v 1903 godu v Zabaikal'skoe kazach'e voisko [Report about the results of the trip of Lieutenant-General Maslakovets, who was at the disposal of the Minister of War, to the Transbaikal Cossack Host in 1903]. SPb. P. 260. [in Russian]

Morskoi, 1914 – *Morskoi A.* (1914). Voennaya moshch' Rossii. Predskazaniya gen.-ad'yutanta A.N. Kuropatkina i ikh kritika gr. S.Yu. Vitte [Military power of Russia. Predictions of adjutant General A.N. Kuropatkin and their criticism by graph S.Yu. Vitte]. Pg. P. 160. [in Russian]

OR RGB – Otdel rukopisei Rossiiskoi natsional'noi biblioteki [Department of manuscripts of Russian state library].

OR RNB – Otdel rukopisei Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki [Department of manuscripts of Russian national library].

Petrovskij, 1916 – *Petrovskij A.I.* (1916). Opis' vojskovym, nakaznym i vojskovym nakaznym atamanam, v raznoe vremja v goroda Cherkassk, a zatem Novocherkassk dlja upravlenija Oblast'ju vojska Donskogo ot vysshego nachal'stva postavlenym. (1738-1916 gg.) [Inventory of the vojskovye, nakaznye i vojskovye nakaznye atamans at different times in the city of Cherkassk and then Novocherkassk to management of the Don Host from higher authorities delivered. (1738-1916 gg.)]. Novocherkassk. P. 40. [in Russian]

Protokoly, 1899 – Protokoly Komissii po issledovaniyu nuzhd kazach'ego naseleniya Donskoi oblasti [Logs of the Commission for the Study of needs of the Cossack Population of the Don Region]. B.m., 1899. 289 p. [in Russian]

Rajović et al., 2019 – *Rajović G., Krinko E.F., Vazerova A.G., Trailovic M.* (2019). Biographical Research in the Modern Historiography of the Don Cossacks of the second half of the XIX century. Part I. *Bylye Gody.* Vol. 51. Is. 1. Pp. 209-218. [in Russian]

Rajović et al., 2019a – *Rajović G., Krinko E.F., Vazerova A.G., Trailovic M.* (2019). Biographical Research in the Modern Historiography of the Don Cossacks of the second half of the XIX century. Part II. *Bylye Gody.* Vol. 52. Is. 2. Pp. 701-713.

Rediger, 1999 – *Rediger A.F.* (1999). Istoriya moej zhizni. Vospominaniya voennogo ministra [Story of my life. Memories of the Minister of War]. Vol. I. M. P. 576. [in Russian]

RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian state historical archive].

RGVIA – Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv [Russian state military and historical archive].

Skorik, 2014 – Skorik A.P. (2014). Problemy i protivorechiya traditsionnogo byta donskikh kazakov na rubezhe XIX-XX vv. (o rezul'tatakh raboty komissii N. A. Maslakovtsa) [Problems and contradictions of the traditional life of the Don Cossacks at the turn of the XIX-XX centuries. (on the results of the work of the commission N.A. Maslakovets)]. Modernizatsiya polietnichnogo makroregiona i sopedel'nykh gosudarstv: opyt, problemy, stsenarii razvitiya. Rostov-on-Don. Pp. 268-273. [in Russian]

Skorik, 2015 – Skorik A.P. (2015). Milyutinskii kazachii yurt: opyt istoricheskoi rekonstruktsii [Milyutinsky Cossack yurt: the experience of historical reconstruction]. Novocherkassk. P. 1184. [in Russian]

Sovetskaya voennaya entsiklopediya, 1977 – Sovetskaya voennaya entsiklopediya [Soviet military encyclopedia]. Vol. IV. M., 1977. P. 656. [in Russian]

Sukhorukov, 1891 – Sukhorukov V.D. (1891). Statisticheskoe opisanie Zemli Donskikh kazakov, sostavlennoe v 1822-1832 godakh [Statistical description of the Don Host Oblast, compiled in 1822-1832]. Novocherkassk. P. 302. [in Russian]

Svatikov, 1924 – Svatikov S.G. (1924). Rossiya i Don (1549 – 1917 gg.) [Russia and the Don (1549 – 1917)]. Belgrade. P. 592. [in Russian]

Sviridenko, 1999 – Sviridenko A.N. (1999). Aleksei Nikolaevich Kuropatkin: drama neumestnosti [Alexey Nikolaevich Kuropatkin: the drama of irrelevance]. Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. № 2(10). Pp. 104-111. [in Russian]

Vitte, 1924 – Vitte S.Ju. (1924). Vospominaniya [Memories]. Vol. 1. L. P. 504. [in Russian]

Volvenko, 2016 – Volvenko A.A. (2016). D.A. Milyutin and Cossacks. *Bylye Gody*. Vol. 40. Is. 2. Pp. 398-411.

Vseobshchaya istoriya, 2004 – Vseobshchaya istoriya, obrabotannaya «Satirikonom» [Universal history, processed by “Satyricon”]. Yumor nachala XX v. M., 2004. Pp. 543-667. [in Russian]

Экономические воззрения А.Н. Куропаткина и политика Военного министерства в казачьих войсках в 1898–1900 гг.

Артем Юрьевич Перетяtko ^{a, b, *}

^a Международнyй сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственнyй университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Личность военного министра Российской империи А.Н. Куропаткина до сих пор вызывает споры у ученых. Одни считают его бездарным военным, не соответствовавшим своей должности, а другие – жертвой обстоятельств и пропаганды политических противников. С другой стороны, взаимоотношения российских военных министров с казачьими войсками до сих пор мало изучены, и число работ на эту тему в современной историографии крайне невелико. Поэтому в данной статье предпринимается попытка проанализировать фигуру А.Н. Куропаткина с неожиданной точки зрения, рассмотрев его деятельность как фактического руководителя казачьих войск Российской империи.

Автор показывает, что А.Н. Куропаткина в первую очередь интересовали экономические проблемы казачьих войск. Вскоре после вступления в должность военного министра, в 1898 г., он признал развитие экономического кризиса в Донском Войске и его приближение в других казачьих войсках. Однако крайне своеобразные и запутанные экономические взгляды не позволили военному министру разработать выполнимую программу решения экономических проблем казачьих войск. Программа, разработанная комиссией генерала Н.А. Маслаковца, также не удовлетворила А.Н. Куропаткина. Не сумев обеспечить должной финансовой поддержки предполагаемых реформ, военный министр фактически отказался от большей части первоначально запланированных мер, ограничившись введением субсидии выходящим на службу казакам.

В статье сделан вывод, что такое развитие событий во многом было связано с особенностями личности А.Н. Куропаткина. Правильно наметив первоначальные цели, военный министр не обладал ни решимостью, ни способностями, необходимыми для их достижения. Тем не менее даже частичная реализация замыслов А.Н. Куропаткина заметно улучшила экономическое положение казачества.

Ключевые слова: кризис российского казачества в конце XIX в., экономическая история Дона, политика Военного министерства по отношению к казачьим войскам, А.Н. Куропаткин, Н.А. Маслаковец.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ArtPeretatko@yandex.ru (А.Ю. Перетяtko)